

*Бакир Баяхунов,
профессор, народный артист
Республики Казахстан*

С тех пор, как я избрал путь музыканта, смыслом моей деятельности стало творчество. Его интенсивность не беспредельна, как утверждает китайская классическая «Книга перемен». Вглядываясь в прошлое, пытаюсь различить контуры того здания, которое построил – жизни. В одной из своих книг Г.Гессе уподобил жизнь мелодии с контрапунктом. Первый звук моей мелодии обозначился в 33-м году прошлого столетия: в Алма-Ате в семье ветеринарного врача родился мальчик. Через 26 лет он войдёт в историю как первый в СССР дунганский профессиональный композитор (см. Музыкальную энциклопедию). Чтобы в этом разобраться, я должен рассказать о своём народе. Легенда повествует: некогда пророк Магомед направил своих посланников в сопровождении 3000 тысяч арабских воинов в Китай. За особые заслуги император оставил воинов в своей стране, те бракосочетались с китайками, дав начало новому этносу. Историки считают дунган китайскими мусульманами. Говорят они на различных диалектах китайского языка в зависимости от места проживания. У дунган, расселённых небольшими группами на территории Казахстана, Киргизии, Узбекистана, есть свой литературный язык, созданный на основе ганьсуйского диалекта китайского языка. В исторической памяти моего народа сохранились предания о кровопролитном Дунганском восстании против маньчжуро-цинской династии (последняя треть XIX в.), бегстве в приграничные области России. Сохранились и своеобразные черты культуры и уклада жизни.

Моя миссия национального композитора ограничилась созданием симфонических и камерных сочинений на дунганскую тематику. Куда большее признание имели самодеятельные авторы, удовлетворявшие спрос сельской молодёжи на песенную продукцию. Какое-то время я представлял общественное лицо диаспоры и даже был избран первым председателем культурного центра. Очень скоро мне стало ясно, что национальные проблемы должны решаться на более высоком уровне, а деятели искусств не обязаны выступать в роли непрофессиональных политиков.

«Чтобы увидеть свой дом, – писал Г.К.Честертон, – лучше всего оставаться дома: но если это не удастся, обойдите весь свет и вернитесь домой». Мои деды,

а, возможно, и прадеды, жили в Алма-Ате, передав эту традицию и мне. Город моего детства – утопающие в садах небольшие строения, стройные тополя, журчащие арыки, покрытые зеленью склоны гор, чистый горный воздух. Ныне это мегаполис с его перенаселённостью, высотками, автомобильными пробками, напорчипленной экологией. Он потерял статус столицы, но по-прежнему остаётся средоточием образования, культуры, имеет большое значение в экономической и финансовой сферах. В самом центре Алма – Аты расположена консерватория. Она была открыта в годы войны и своим успешным становлением обязана музыкантам России. Основателем композиторского образования стал ленинградец Е. Брусилковский – классик казахской музыки, крупный музыкальный деятель. Наиболее выдающиеся его выпускники – композиторы Л.Афанасьев, К. Кужамьяров, А.Бычков, А.Зацепин. В своём недавнем интервью («Московский комсомолец», 16-22 марта 2006 г.) А. Зацепин отметил: «...консерваторию я закончил в Алма-Ате. Школа была хорошая, ничего не могу сказать, ...». Ныне консерватория, возглавляемая известной пианисткой Ж.Аубакировой, показывает достаточно высокие результаты в подготовке музыкантов – профессионалов. Среди питомцев вуза немало лауреатов международных конкурсов, ценных специалистов. Некоторые из них востребованы за рубежом и, в частности, в России. Я преподаю в консерватории музыкально-теоретические дисциплины и композицию. Большое удовлетворение доставляют занятия с музыковедами. У них шире круг интересов, чем у прагматически мыслящих композиторов. В последние годы провожу мастер-классы, разрабатывая темы, мало освещённые в учебных программах.

Мечтой моего детства был Ленинград. Окончив школу, выдержав труднейший конкурс по целевому набору, я стал студентом нефтяного факультета Ленинградского горного института. Были отличные педагоги, хорошая учебная база, большая стипендия. Но успе-

Мелодия жизни

№34,2006, стр.35-37

ваемость моя оставляла желать лучшего, а институтским аудиториям предпочитались иные. Несколько месяцев были посвящены лекциям и экскурсиям в Эрмитаже. Он и до сих пор для меня идеал музея, даже после посещения Лувра. Интересовала прежде всего живопись. Мои гуманитарные интересы «подогревал» сокурсник В. Британишский, ставший со временем поэтом и переводчиком. Неведомым образом я оказался в литературном кружке, на одном из заседаний Союза писателей. Ещё мы путешествовали. Особенно памятным было посещение пушкинского заповедника.

Но постепенно все увлечения оттеснил интерес к музыке. Мне было мало впечатлений от концертов, творческих встреч с композиторами, проводившимися в клубе общегитания. Как-то я сочинил небольшой музыкальный отрывок и по совету руководительницы фортепианного кружка показал его на семинаре самодеятельных композиторов Е. В. Славинскому. Он занялся моим музыкальным просвещением. Это происходило на его квартире и без какой-либо оплаты. Точно также занималась со мной вокалом заслуженная артистка РСФСР А. И. Попова-Журавленко, у которой было много способных учеников в вокальном кружке горного института. Тёплое отношение профессиональных музыкантов побудило меня к смене профессии. Вскоре уже бывший ленинградец профессор Е. Г. Брусилковский определил несостоявшегося геолога и самодеятельного музыканта в Алма-Атинскую консерваторию.

С Ленинградом связаны и первые попытки изучения истории своего народа. Имея специальное разрешение, я получил доступ к научным материалам в «салтыковке». В Ленинграде я учился три года и столько же в Москве. Это была сначала композиторская, а затем педагогическая стажировка в консерватории. С благодарностью вспоминаю своих наставников: профессоров М. И. Чулаки, С. С. Скребкова, В. В. Протопопова, Д. Р. Рогаль-Левецкого, Ю. А. Фортунатова и многих других педагогов. Я окунулся в художественный мир Москвы: концерты, спектакли, выставки, мероприятия Союза композиторов. Охотно посещал Музей изобразительных искусств имени Пушкина с его

богатым собранием импрессионистской живописи. У меня были и другие стажировки в Московской консерватории. В тех или иных формах связь с ней не прерывалась. Более 30-ти лет я состоял в Союзе композиторов СССР. Были в его деятельности негативные стороны, но мне помнятся больше светлые. Ещё одна нить, связывающая меня с Москвой - журнал «Советская музыка» (ныне «Музыкальная академия»). На его страницах освещалось моё творчество, творчество моих коллег. Более того, редактор журнала М. Нестьева пригласила меня к сотрудничеству как автора.

Эта роль поначалу была непривычной, но я старался относиться к печатному слову также ответственно, как к поиску нужной интонации в композиции. Порой задания оказывались непростыми. Помню, сколько репетиций пришлось посетить, встречаться с постановщиками, чтобы подготовить рецензию на постановку в Алма-Ате оперы С. Слонимского «Мария Стюарт». Автор высказал свою благодарность, но и я был благодарен ему за знакомство с новым сочинением.

Дорогой читатель! Я рассказал о трёх городах, ставших для меня судьбоносными. Алма-Ата - мой дом, обитель моего творчества. Здесь создавались мои сочинения, устанавливались связи с исполнителями, музыковедами. Здесь я прошёл путь от неумелого ученика до автора сложных композиций.

Время, в котором я творил, пришлось на эпоху больших перемен в политической жизни. Но одновременно менялась и композиторская техника. Я интересовался ею, по-своему воспринимал новые идеи. Многие почерпнул в народной музыке. Участь в консерватории, записывал и изучал дунганские песни, а на сюжет песни-легенды «Мынчжаной» написал симфоническую поэму. Это повествование о трагической любви, относящееся ко времени строительства Великой Китайской стены. Полным текстом легенды, а также литературным исследованием дунганских песен меня «снабдил» московский китаевед Б. Л. Рифтин. В консерваторские годы был написан Вокальный цикл

на слова Омара Хайяма. В нём я шёл от традиций русской музыки о Востоке, от таких её образцов, как «Персидские песни» А.Рубинштейна.

После завершения учёбы наступил период увлечения казахской музыкой. Затем стали чередоваться произведения на дунганском и казахском материале. Как-то мне попались записи уйгурского и таджикского фольклора, и я их начал разрабатывать. Вскоре стала опробоваться идея сближения различных культур. Например, в Третьей симфонии, посвящённой выдающемуся индийскому музыканту Рави Шанкару, сопоставлены интонации казахского музыкального фольклора, раги и блюза.

В Симфонии «Аура Востока» для оркестра и альта соло также «за кадром» звучит поэзия – это рубаи Омара Хайяма. В вокальных сочинениях я предпочитал стихи поэтов Востока, в раннем творчестве часто обращался к поэзии классика дунганской литературы Я.Шиваза.

Интерес к Востоку переплетается у меня с другими увлечениями. В двух моих сочинениях есть обращение к Баху и Бетховену. Это Соната для органа «Казахская бахiana» и Соната «Два портрета Бетховена» для фортепиано и литавр. Знакомство с современной музыкой открывает мне новые возможности, хотя бы потому, что композиторская технология заимствует опыт неевропейских культур. В истории музыки много примеров взаимовлияния различных национальных школ, в том числе, на Востоке. И это довод в пользу того, что нельзя замыкаться в рамках одной национальной традиции.

Полезно на время покидать свой «дом». Мне удалось побывать в ряде стран Европы и республик СССР. Впечатления от этих поездок значительно расширили мои представления о мире. Туризм занимал подчинённое место, доминировали профессиональные интересы. 2000-й год, Париж, Русская консерватория. Нас с супругой Светланой и дочерью Лейлой принимает в своём кабинете ректор граф П.П.Шереметев. Стены украшены портретами Ф.Шаляпина, С.Рахманинова, И. Стравинского. Пётр Петрович рассказывает об истории учебного заведения, его работе, о своей деятельности пропагандиста русской культуры, архитектора. Нам было приятно узнать, что по его проекту построено здание казахстанского посольства в столице Франции. Нам удалось побывать в Парижской национальной опере на рядовом балетном представлении. Зато музыкальный сюрприз, но уже в домашней обстановке, преподнёс работавший в то время

во Франции российский математик В.А.Матвеев. В его исполнении мы услышали произведения Бетховена, Мендельсона, Скрябина. Выяснилось, что фортепианную игру учёный освоил самостоятельно. Его коллега из Украины, имеющая музыкальное образование, здраво судила о строении баховской фуги, её симметрии. Впрочем, в античную эпоху учёные мужи не мыслили изучение математики без музыки. Мои знакомые своеобразно напомнили синкретичности древней науки.

Проездом в Кёльне запечатлелись величественные звуки органа в Кёльнском соборе. Запомнилась музыка, услышанная на пленэре: у рейнской пристани неведомый пианист играл Второй концерт Рахманинова, а на одной из улиц Кёльна уж очень по-русски звучал баян: «На сопках Маньчжурии», «Коробейники», «Тонкая рябина». Поистине, музыка не знает никаких границ – географических, временных и прочих.

Каждый раз, возвращаясь в Алма-Ату, прихожу в благостное состояние человека, прочно связанного с родным городом. Он привлекателен и своим горным ландшафтом. Однажды я побывал в альпинистском лагере и, участвуя в походах, ощутил трудности горвосхождения, но, вместе с тем, и радость первооткрывания. Панорама гор восхищает своими скульптурными изломами, их сочетаниями с картиной неба, богатством цветовых оттенков в разное время года и суток. Редкое зрелище в горах – водопады, придающие гордому спокойствию гор элемент динамики. Ритм водного потока настраивает на поэтический лад. «Дух водопада – не дух падения воды. В том-то и суть, что он (водопад - Б.Б.) одухотворяет воду, придаёт ей смысл». Слова Честертона, быть может, говорят о том, что в природе всё разумно. Но переводя их на человеческую жизнь, надо говорить о жизненном содержании. Кому-то хотелось бы что-либо изменить в прошлом, кто-то не прочь повторить былое. Но, несомненно, каждый желает прожить жизнь лучше. Я благодарен судьбе за то, что она повела меня дорогой творчества. Труд создателя позволяет сохранять молодость души, задаёт жизненный ритм и подобно горвосхождению открывает всё новые вершины. Контрапунктом к моей «мелодии жизни» были события, люди, немногие, но всегда внушающие веру в будущее, знаки одобрения сделанного тобою. Думаю, что в познании своего «дома», о котором писал Честертон, мой ресурс не исчерпан, и ещё многое видится впереди.